

ОБ АВТОРЕ:

Миськевич Владимир Иосифович, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск, Республика Беларусь.

ABOUT THE AUTHOR:

Miskevich Uladzimir, PhD, Associate Professor, Department of Philosophy, Belarusian State University of Information and Radioelectronics, Minsk, Republic of Belarus

Миськевич В.И.

Языковая картина мира в структуре гуманитарной культуры¹

В статье рассмотрены актуальные проблемы антропокультурной динамики. В фокусе внимания – вопросы статуса, структуры и функций гуманитарной культуры в изменяющемся мире. Выделены и исследованы её основные модусы. Особый акцент сделан на языковой картине мира (ЯКМ) как неотъемлемом компоненте гуманитарной культуры. ЯКМ интерпретируется как специфическая форма «языкового мировидения», обладающая мощным мировоззренческим и поведенческим потенциалом. Описаны механизмы, способы и субъекты ее формирования. Обосновав тезис, согласно которому содержательный анализ антропологических языковых

картин мира разных народов позволяет глубже понять их психологию и ментальные установки, образы «Я» и «Другого». Акцентирована противоречивость процессов цифровизации общественного бытия и сознания, их влияние на языковую культуру общества и личности в ситуации цифрового футурошока .

Культура, гуманитарная культура, язык, языковая картина, мира цифровой футурошок.

Для цитирования: Миськевич В.И. Языковая картина мира в структуре гуманитарной культуры // Социально-гуманитарные технологии. 2024. №2 (30). С. 18-27.

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN THE STRUCTURE OF HUMANITARIAN CULTURE

Miskevich U.

The article examines current problems of anthropocultural dynamics. The focus is on issues of the status, structure and functions of humanitarian culture in a changing world. Its main modes are identified and studied. Particular emphasis is placed on the linguistic picture of the world (LPW) as an integral component of humanitarian culture. LPW is interpreted as a specific form of "linguistic worldview", which has a powerful ideological and behavioral potential. The mechanisms, methods and subjects of its formation are described. Having substantiated the thesis according to which a meaningful analysis of anthropological linguistic pictures of the world of different peoples allows us to better understand their psychology and mental attitudes, images of "I" and "Other". The inconsistency of the processes of digitalization of social life and consciousness, their impact on the linguistic culture of society and the individual in the situation of digital futureshock are emphasized.

Culture, humanitarian culture, language, linguistic picture of the world, digital futureshock.

For citation: Miskevich U. The linguistic picture of the world in the structure of humanitarian culture. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii*. 2024; 2 (30): 18-27. (In Russ.)

Предварительные уточнения

В различных русскоязычных энциклопедических изданиях (Энциклопедический словарь, Современная энциклопедия, Большой энциклопедический словарь, Словарь иностранных слов и др.) термин «гуманитарный» [франц. *humanitaire*, от лат. *humanitas* - человеческая природа, образованность] определяется, по сути, одинаково, как: а) относящийся к общественным наукам, изучающим человека и его культуру; б) человеколюбивый, благотворительный. А однокоренной с ним термин «гуманный» — [от лат. *humanus* человеческий] толкуется как проникнутый любовью к человеку, человеческий, направленный на благо других (например, гуманные цели, гуманное отношение). В зависимости от контекста данные термины могут ис-

¹ Статья подготовлена в рамках ГПНИ Республики Беларусь на 2021-2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»

пользоваться и как синонимы. Однако с точки зрения логики, понятие «гуманитарный» шире по объему, и не тождественно по содержанию понятию «гуманный». Это, к примеру, хорошо видно при соотнесении понятий милосердие и справедливость. Гуманитарное право, будучи в своей основе гуманным, предполагает установленную законом ответственность, но отнюдь не всепрощение. Однако изначально (в эпоху Возрождения) всё было наоборот. Гуманизм как идеология (греч. ἰδεολογία; от ἰδέα «прообраз, идея» + λόγος «слово, смысл, разум, учение») стал мировоззренческой основой бытийственного самоутверждения человека. А основанные на ней гуманитарные науки (философия и филология) и гуманитарное образование были призваны содействовать данному устремлению, рассматривались как необходимый инструмент развития человеческого потенциала. Затем логический объём термина «гуманитарный» расширился и стал именем для обозначения и специфического кластера культуры. Сегодня слово гуманный используется главным образом в значении человеческий, человеколюбивый. Наконец, термином «гуманистика» обозначается совокупность наук, занимающихся культурой, литературой, языком, искусством, историей и т. п. И в этом смысле он является синонимичным понятию «гуманитарные науки». Однако объём данного понятия шире, ибо включает в себя не только гуманитарные науки, но и основанные на них гуманитарные технологии и практики, например, обучения и воспитания, медитации, физического совершенствования, духовного развития человека и т. д.

Культура и гуманитарная культура

Определение и уяснения сути понятия культура задача не из простых. Этимология слова указывает «направления пути» и не более. В европейской истории содержание данного термина постоянно изменялось и обогащалось всё новыми коннотациями и значениями. В работах современных культурологов и исследователей из специальных областей знаний приводятся сотни её различных дефиниций. Ограничимся двумя. «Культура... дело рук человека — в ней он ищет свое отражение, в ней узнает себя, только в этом критическом зеркале он и может увидеть своё лицо (Ж.-П. Сартр) [1, с.47]. «Культура — это итог достижений отдельных лиц и всего человечества во всех областях и по всем аспектам в той мере, в какой эти достижения способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу» (А. Швейцер) [2, с. 55-56]. Из этих двух взаимоперекликающихся определений мы и будем исходить.

Культура - это способ бытия человечества как рода и индивида как личности. Или, слегка перефразируя М. Хайдеггера, культура — это дом бытия человека. Это бытие предполагает активное, творчески-преобразующее отношение к природе посредством актуализации всего спектра «сущностных сил» (Маркс) человека, включая использование синергического потенциала общества и государства как самоорганизующихся систем, создание «второй природы», и, last but not least, конструирование (как осознанно, целерационально, так и спонтанно-бессознательно) информационно-знакового и ценностно-смыслового континуума. Этот континуум (архетипы, социально-психологические феномены мира повседневности, языковая картина мира, формы общественного сознания, мировоззрение) объемлет, как небосвод, всё сущее. В нём, как в зеркале, «отражается» материально-практический и социокультурный опыт бытия общества данной эпохи. Там же содержится самый широкий и разнообразный спектр программ его жизнедеятельности. Реализуя их посредством всевозможных практик, человек самоутверждается в своей родовой сущности, преобразует мир и преображает себя. Стало быть, вся творимая социальным субъектом культура (его «дом бытия») исходит от человека (созидается им) и в той или иной форме к нему же возвращается. И в этом плане для гипотетического инопланетянина все формы культуры и способы её опредмечивания/распредмечивания Homo sapiens суть гуманитарные, т. е. вытекают из humanitas, человеческой природы.

Тем не менее, факт выделения гуманитарной культуры в отдельный культурный кластер является эмпирической данностью и так или иначе всегда артикулировался в истории. Однако, что касается теоретического осмысления самого понятия «гуманитарная культура», то оно стало предметом сосредоточенной рефлексии сравнительно недавно — лишь во второй половине XX в. в Начало данного процесса чаще всего связывают с работами Ч. Сноу («Две культуры») и А. Моля («Социодинамика культуры»). Названные авторы, кажется, первыми поставили ряд вопросов о специфике гуманитарной культуры, её месте и статусе в общекультурном пространстве, взаимоотношениях с другими формами культуры, её роли в воспитании и образовании

человека, а также углубляющейся пропасти между гуманитарной и естественнонаучной интеллигенцией. В настоящее время научные дискуссии продолжаются и всё чаще носят междисциплинарный характер.

В терминах логического анализа понятие «гуманитарная культура» с точки зрения его объема и содержания относится как видовое к более общему по отношению к нему родовому понятию «культура». Кладём критерий «гуманитарная культура» в основание дихотомического деления понятия «культура». Получается круг Эйлера, делённый пополам. Дополнением к классу (родовому понятию) «культура» будет понятие «негуманитарная культура». Однако содержание данного понятия несколько двусмысленно. В справочных изданиях данного термина нет. Тем не менее, логика анализа требует движения вперёд. Содержание понятия «негуманитарная культура» может быть раскрыто посредством указания на специфицирующие его признаки. Таковыми, на наш взгляд, являются его: а) когнитивные и инструментально-функциональные характеристики (аксиологический момент в этом содержании представляется, как говорят юристы, ничтожным) и, б) объектность, т. е. направленность на предметный мир вне человека. Формально этим критериям удовлетворяют 1) рационально-логическая, 2) научно-теоретическая, 3) математическая, 4) техносциентистская и, 5) отчасти профессиональная культура. Взятые вместе, они составляют объём понятия «негуманитарная культура». Впрочем, оговорюсь, данное деление не строгое, виды не исключают друг друга. Но здесь важен принцип, подход. Специфицируют эти формы негуманитарной культуры, повторимся, такие маркеры, как абстрагирование от аксиологических и чувственно-эмоциональных компонентов, и центрация на объекте как таковом. С этой точки зрения, названные формы «негуманитарной культуры» в некоторой степени удовлетворяют сформулированным критериям. Однако вдумавшись, понимаем, что моменты дистинкций не следует абсолютизировать. Возьмём, к примеру, классическое естествознание с его пафосом объективной истины, элиминацией всякой субъективности в исследовании и представлении результатов. Но с течением времени эти идеалы и нормы научного познания претерпели изменения. Уже к середине XIX века выявилась ограниченность подобной гносеологической установки. Одним из первых на магистральный путь развития науки в будущем указал Маркс. Известны его слова о том, что впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание – это будет одна наука. Данное предположение, сделанное им более 150 лет назад, вполне соответствует современной динамике развития научного познания. Постнеклассическая наука (по терминологии В. С. Стёпина), всё чаще начинает включать в стратегию исследования и аксиологическое измерение. Экологическая культура, биоэтика, этика благоговения перед жизнью, инженерная этика, промышленный и бытовой дизайн, гуманитарная экспертиза, научный этос... Сегодня эти термины прочно вошли в тезаурус научного познания и инженерной деятельности. Более того, фундаментальные научные исследования, связанные с поиском внеземной жизни и внеземного разума, должны, по мысли С. Хокинга, исходить из презумпции возможной агрессивности по отношению к землянам гипотетических «братьев по разуму». На горизонте научного поиска – различные варианты «совершенствования» тела и мозга человека, пополнение нашей ниши обитания антропоморфными роботами, биоклонами и прочими «человеками+». В этой связи естественным образом возникает ряд непростых философских, религиозных, этических и правовых вопросов, на которые так или иначе должны отвечать и сами творцы «дивного нового мира».

И ещё один важный момент. Любое содержание существует не иначе, как через форму, оказывающей на него обратное воздействие. Самые разнообразные практики, посредством которых человек утверждается в мире, имеют человеческую форму реализации, сопряжены с его неэллиминируемой телесностью и субъективностью. Поэтому любая культура, ещё раз, является гуманитарной, ибо своими истоками восходит к человеческой натуре, *humanitas*, и в виде тех или иных «плодов» к нему же возвращается. И даже нечто греховное, «антикультурное» в ней может быть человеку на пользу. «Сказываю вам, что так на небесах больше радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:1-7). Каким образом подобное преобразование может случиться с человеком, многократно описано в литературе, и, в частности, повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон».

О собственно гуманитарной культуре можно говорить в двух смыслах: широком и узком.

В широком смысле гуманитарная культура – это, как указывалось выше, синоним слова культура. Ибо нечеловеческая культура нам не ведома (хотя, возможно, искусственный интеллект в его сильной версии нечто невообразимое человеческому уму, в нечеловеческой форме, некогда и сотворит). В узком же смысле гуманитарная культура – это культура, обращенная к человеку, центрированная на культивировании «человеческого в человеке» и «антропоморфизации» его жизненного пространства. Или, более философично: человек – это «пересечение всех кругов бытия» (Н. А. Бердяев), т. е. существо космогеобиопсихосоциорадиодуховное. Посредством своей деятельности Ното «вписывается» в бытие как его образ и подобие - Das sein (здесь бытие). Гуманитарная культура, будучи «моментом» этой деятельности, нацелена на производство надприродного, ценностно-рационального и духовно-смыслового измерения бытия человека, которое, собственно, и является его «домом». Эта производство имеет два плана (аспекта): социальный и личностный. В социальном аспекте гуманитарная культура предстаёт как внутренне дифференцированное единство образующих её объективированных модусов (способов существования), единство, которое корректнее было бы именовать социогуманитарной культурой, поскольку отделить в ней «социальное» от «человеческого» можно лишь in abstracto. К таким её модусам, на наш взгляд, можно отнести: 1) культуру предметно-символическую в её институционально-функциональной репрезентации; 2) повседневную культуру, 3) высокую (элитарную) культуру, включая гуманистику (гуманитаристику); 4) языковую картину мира. Личностный же аспект гуманитарной культуры «сопряжён» непосредственно с экзистенцией и проявляет, обнаруживает себя в степени развитии сущностных сил человека, т. е. его тела, психики, ума, воли, чувств, социального и эмоционального интеллекта, воображения, способностей, потребностей, коммуникативных навыков и т. д., и опредмечивается в пространстве его социальных интеракций.

Объективированные модусы бытия гуманитарной культуры

Предметно-символическое бытие гуманитарной культуры является неотъемлемой частью рукотворного мира людей. Историко-культурная ценность дворцов, храмов, соборов, замков, театров, концертных залов, выставочных галерей, музеев, филармоний, библиотек, монументов, стел, скульптур, памятников, триумфальных арок, художественных школ и академий, университетов, спортивных сооружений и т. д. неотделима, в том числе, и от их гуманитарного и гуманистического потенциала. Будучи сами по себе воплощениями и хранителями не только «застывшего во времени духа эпох», но и бесценных символических артефактов, эти творения человеческого гения и мастерства, каждое по-своему, «оживляют» прошлое, ретранслируют его в наше настоящее и, укореняясь в душах современников, обеспечивают тем самым связь времён и поколений.

Данный – объективированный – модус гуманитарной культуры можно рассматривать не только с точки зрения ценностно-смысловых аспектов его бытия, но и в аспекте деятельности институтов культуры. Эта деятельность является очень разноплановой и регламентируется нормативными документами государства. Однако это возможно в том случае, если существуют юридические дефиниции культуры, культурной деятельности, культурной ценности, культурного наследия и т. д. Причём нормативное понимание культуры по необходимости должно быть (по возможности) однозначным и императивным. Ибо только в этом случае возможна общая культурная политика государства, институциональная организация сферы культуры, деятельность конкретных учреждений, их финансовая поддержка, управление и контроль (в той или иной, предусмотренной законом, форме). В большинстве стран государственную политику в сфере культуры проводят соответствующие министерства (хотя из названия от страны к стране могут и варьироваться). В нашей стране этим занимается Министерство культуры. Но даже в тех странах, где нет министерства культуры (например, в США), государство всё равно занимается вопросами культуры, регулируя, например, работу музеев посредством Смитсоновского института (государственная структура), или направляя эстетическую деятельность в стране с помощью Национального фонда искусств. Таким образом, повторимся, нормативное (правовое) понимание культуры по необходимости является императивным. Законодатель исходит из тех или иных государственных приоритетов, сформулированных в конституции, идеологии или из существующих традиций, фиксирует и возводит в ранг юридической нормы ту или иную концепцию культуры и вытекающие из неё дефиниции. Приняв правовую форму, они переводятся в плоскость целе- и ценностнорациональных практических действий. Это важно пони-

мать теоретикам культуры. И иметь в виду перспективу подобного выхода на практику их изысканий.

Следующий модус бытия гуманитарной культуры, который объективен по отношению к любому обывателю - это повседневность с её обыденным сознанием и здравым смыслом. Этот жизненный мир определяет траектории социализации абсолютного большинства людей и их человеческий (гуманитарный) профиль. Вот как эту истину выразил С. Моэм в романе «Лезвие бритвы»: «Ведь ни один человек не существует сам по себе. Люди - это и страна, где они родились, и ферма или городская квартира, где они учились ходить, и игры, в которые они играли детьми, и сплетни, которые им довелось подслушать, и еда, которой их кормили, школа, где их обучали, спорт, которым они увлекались, поэты, которых читали, и Бог, в которого верили. Все это и сделало их такими, как они есть, и все это нельзя усвоить понаслышке, а можно постичь, только если сам это пережил. Если это часть тебя самого» [3, с. 287].

Культура повседневности синкретична и формируется по большей части спонтанно. Её подосновой всегда была традиция (в широком смысле этого слова) «Встраиваясь» в неё, индивид усваивал и социогуманитарные координаты межличностных интеракций. В доиндустриальном обществе её ядром была религия (вначале поли-, а затем монотеистическая) и связанные с нею обряды, ритуалы, культы, табу, нормы, заповеди, праздники и в целом образ жизни. В своей совокупности они формировали паттерны самовосприятия и самовыражения личности. Гуманитарная культура (в отчётливой форме) обнаруживала себя в житейской мудрости человека с вытекающим из неё гуманным отношением к жизни, другим людям и к самому себе. В отечественной литературе примером такого мудрого, по сути стоического, отношения ко всем выпадавшим на его долю ударом судьбы может быть жизненный путь рыбака Павла – главного героя романа Э. Ожешко «Хам».

В индустриальном обществе центр жизни сместился в город. Традиционный «жизненный мир» с его системой человеческих отношений исчез. Ему на смену пришла иная повседневность. Она стала определяться достижениями научно-технического прогресса, настроениями и инстинктами восставших масс, социально-политическими идеологемами и техносциентистскими утопиями (либеральными, социалистическими, националистическими, технократическими). Некоторые из них легли в основу масштабных социальных экспериментов. Человек (особенно в условиях тоталитарных режимов) стал объектом целенаправленного влияния и манипулирования со стороны государства. Основными агентами этого процесса были система образования, СМИ, пропаганда, идеологизированное искусство. В «открытых обществах» (К. Поппер) эти функции реализовывались более изощрённо, в том числе посредством потребительской идеологии, рекламы и массовой культуры. Общим итогом эпохи индустриализма (в интересующем нас плане) стала отчуждённость человека от традиционных систем ценностей, разубежденность в классических идеалах, кризис гуманистического мировоззрения. Культура перестала быть цельной, превратившись в мозаику различных (нередко контрадикторных), никак не связанных между собой, образований (А. Моль). Их носителями, живущими в одном мегаполисе, оказались представители разных рас, наций, диаспор, религий, конфессий, социальных страт, профессиональных групп, меньшинств, маргиналов и т. д. И, кажется, единственной «территорией», на которой большинство из них могло «сойтись», стала массовая культура с присущей ей общностью быта, развлечений и источников информации. В «век толп» (С. Московичи) концерты, шоу, спортивные состязания, моллы, средства mass media и т. п. превратились в универсальные ресурсы удовлетворения потребностей масс во времяпровождении, развлечении, получении удовольствия и информации. Однако насколько этот тип культурного бытия «способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу»? (А. Швейцер). Наш ответ будет скорее отрицательным, хотя данный феномен весьма разнороден и, так сказать, «разноценен». Массовая культура, по сути, лишь микширует «блеск нищеты» индустриального общества, атомизацию бытия и отчуждение человека от природы, Бога, традиции и собственной экзистенции.

С утверждением информационно-компьютерной цивилизации ситуация с культивированием «человеческого в человеке» во многом становится ещё более драматичной. Повседневность дополняется (замещается?) цифровой реальностью. Виртуальный мир – это зона комфорта, безопасности, пусть иллюзорной, но свободы, развлечений и удовольствия, получения разнообразной информации. Возвращаясь в реальный мир, в мир людей, индивид попадает в

мир несвободы, запретов и ограничений, цифрового контроля, репрессивного бытия и назойливой пропаганды. Приспособление, включая карьеру, возможно через конформизм, а самоутверждение проблематично. Его классические формы - любовь, семья, творчество, религия, отшельничество, бунт, пафос (греч. πάθος - страсть, чувство) первопроходцев и искателей приключений утратили прежний романтический ореол и притягательность. В тренде – терроризм, «восстание маргиналов», гедонизм, брачные контракты, безотчётная вера во всемогущество научных технологий и «эмиграция» в Internet. Свободный выбор в мире людей сопряжён с ответственностью и возможными неблагоприятными последствиями. Актёр и политик, self-made man А. Шварценеггер, исходя из своего жизненного опыта, утверждал: 95% людей в мире нуждаются в том, чтобы кто-то говорил им, что делать и как себя вести. Всемирная паутина – идеальный инструмент для такого рода подсказок, «навязчивого сервиса» и манипуляций сознанием пользователей Сети. Будучи симулякр реальная жизнь - взглянем на проблему шире - она, опутывая сознание человека, кардинальным образом меняет его повседневные психоментальные паттерны и поведение. Одна из причин кроется в нарушении естественного процесса социализации, сенсорной и социальной депривации индивидов. Это научно установленный медицинский факт. Реальный опыт повседневных взаимодействий, включая конфликты и самостоятельный поиск способов их урегулирования, замещается «опытом» психоделической псевдоактивности в Сети. Следствием является деформация выработки у детей, а затем и teenagers, адекватной самооценки, воли к действию и проявлению конструктивной инициативы. Подобный «крен» бытия личности чреват непредсказуемыми синергетическими эффектами и в социальном плане.

Однако информационно-компьютерная цивилизация открывает и иные перспективы. Internet распахивают окно в мир цифровой реальности с её бесконечным ресурсом и возможностями для саморазвития и самовоспитания личности. Сегодняшняя повседневность для индивида становится многомерной и виртуально доступной во всём её многообразии. При наличии соответствующих потребностей и воли индивид имеет беспрецедентную возможность для самостоятельного формирования собственного гуманитарного профиля. Вопрос только в том, кто, где и когда должен задать ему координаты Пути. Семья? Школа? «Сетевые друзья»? «Звёзды»? «Большой Брат»? Церковь? Корпорация? «Отечества отцы, которых мы должны почитать за образцы»? Наконец, искусственный интеллект? В эпоху цвишенизма (т.е. деконструкции классических систем ценностей, с одной стороны, и futureshock*a, - с другой) вопрос самоопределения человека является одним из насущных в повестке дня для современных идеологов (в широком, исходном значении слова) и практиков («ловцов человеческих душ») - политиков, педагогов, воспитателей, проповедников, блогеров и др.

Ещё один формат объективного бытия гуманитарной культуры - это мир высокой (элитарной) духовной культуры и её отрефлектированных форм. Речь об искусстве, мифологии, философии, теологии, идеологии и широком спектре научно-теоретических дисциплин, традиционно именуемых (социо)гуманитарными. Их объект – человек, история, культура и дух. Метафизическое предназначение высокой гуманитарной культуры – «производство» ценностей, смыслов, норм и идеалов социального бытия, рефлексия над универсалиями культуры и интерпретация социокультурных феноменов. Здесь же содержатся ответы на экзистенциальные запросы человека, формируются теоретические формы мировоззрения общества, представления об «идеальном» типе человека и способах его культурации. Кроме того, генерируются новые идеи и универсалии, направления, каноны и стили, символы веры и ереси, системы ценностей, утопии и антиутопии, социальные нормы и нравственные кодексы. Изобретательства в сфере гуманитарной культуры (конкретизируем сказанное) - языки, тексты священных писаний, эпические поэмы, монотеистические религии, системы письменности, правовые кодексы, философские и этические учения, формы правления и технологии управления, институты и способы образования, библиотеки, спорт, многожанровое искусство, стили в архитектуре, суфизм, протестантизм, новоевропейский социально-политический проект, правовое государство, концепция прав и свобод человека, десятки гуманитарных наук, новые методы познания, медитация и т. д. - постоянно открывали новые горизонты истории и понимания человека, определяли направления и смысл его деяний. Гуманитарное творчество, будучи сферой самореализации конкретных индивидов (известных и анонимных), объективно способствовало

формированию интеллектуальной и духовной элиты общества, закладывало основы соответствующих традиций в культурах разных народов. «Тексты» творцов социогуманитарных ценностей, явленные в образах, символах, идеях, теориях, нормах, практиках, произведениях и артефактах, взятые в единстве, представляют собой то «зеркало», смотрясь в которое, люди разных эпох узнают себя, видят своё лицо (Сартр).

Высокая гуманитарная культура придает черты уникальности и неповторимости бытию народов и цивилизаций. В этом, к слову говоря, кроется ещё одно из её фундаментальных отличий от культуры «негуманитарной», т.е. (скажем обобщённо) техноциентистской. Последняя опирается на интеллект как высшую инстанцию познания, понимания и преобразования действительности. Однако «не стоит обожествлять интеллект. У него могучие мускулы, но нет лица», - утверждал Эйнштейн. Позволим себе добавить: и души. Гуманитарная культура, продолжим метафору великого физика, одушевляет «мир интеллекта», и наделяет его чертами индивидуальности. Эта индивидуализация, подчеркнём этот факт, самым непосредственным образом связана и с таким фундаментальным свойством головного мозга человека, как функциональная асимметрия его полушарий. Асимметрия сформировалась эволюционным путём. Левое и правое полушария ответственны за проявления разных способностей человеческой натуры. Правополушарные индивиды естественным образом тяготеют к миру чувств, образов, форм и звуков. Левополушарные – к абстрактным интеллектуальным занятиям. В зависимости от исторических и социокультурных условий жизни общества, свойства асимметрии по-разному обнаруживают себя в культурном творчестве различных народов. Сбережение и приумножение культурного многообразия человечества, гуманитарной культуры любого этноса важно, таким образом, и в плане сохранения *humanitas* - человеческой природы как таковой.

Языковая картина мира

Неотъемлемой частью культуры любого социума является его языковая картина мира (ЯКМ), а в ней – её человеческое измерение. Данный термин (*sprachliches Weltbild*) в тридцатых годах XX века ввёл в науку Л. Вайсгербер. Однако первым мысль об особом – языковом – аспекте культуры высказал В. фон Гумбольдт. Ещё в начале XIX он сформулировал идеи, ставшие программными для последующего развития философии языка и языкознания: «Языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [4, с. 217]. «Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком» [4, с. 317]. В последующие времена эти идеи получили своё развитие в философии, в частности, философской герменевтике, и науке (лингвистике). Согласно Г. Гадамеру «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир. Для человека мир есть “тут” в качестве мира; ни для какого другого живущего в мире существа мир не обладает подобным тут-бытием. Однако это тут-бытие мира есть бытие языка... Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение – но подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир» [5, с. 512–513]. Благодаря именно языку возможны понимание и коммуникации людей друг с другом, внутренний диалог и сам процесс мышления.

Действительность предстаёт для человека сквозь призму таких её языковых репрезентаций, как: а) естественный язык, живое наречие, опосредствующее весь спектр потребностей повседневного бытия людей и, б) письменные знаково-символические системы. В них фиксируется многогранный специализированный опыт познания, понимания и преобразования человеком мира, и на этой основе – преображения себя. Будучи «материей» мыслей и чувств, язык объективирует, дифференцирует и классифицирует их содержание. Но не только в качестве внешней «оболочки» мыслительного процесса, но и как его внутренняя форма. Эта форма (структура языка) во многом специфицирует особенности мышления как отдельного индивида, так и этноса. Более того: язык несёт мощные императивные мировоззренческие и поведенческие установки. Идея «внутренней формы» языка в XX в. получила развитие в концепции лингвистической относительности Сепира-Уорфа (*Sapir-Whorf hypothesis*), согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Хотя в настоящее время данная гипотеза в её радикальной формулировке оспаривается многими лингвистами, в ней есть рациональное зерно. Оно заключается в том, как свидетельствуют сравнительно-лингвистические исследования современных авторов, что язык несомненно оказывает влияние на познавательную деятельность и поведенческую активность его носителей. Особенно

заметным это влияние оказывается в детстве. Но не только. На интуитивной вере в то, что язык способен сам по себе создавать «нужную» реальность в головах людей основана и практика «контроля за языком» тоталитарными режимами прошлого и настоящего. Дж. Оруэлл в знаменитой антиутопии «1984» подробно излагает особенности созданного для подобных целей «новояза» (newspeak). Сегодня Интернет и компьютерно-виртуальная реальность рождают современный newspeak со специфическим тезаурусом, строй которого во многом определяет не только речь, но и стиль мышления пользователей Сети. Однако взаимообусловленность мышления и языка отнюдь не является линейной. Ибо, как верно отмечает В. П. Даниленко, наряду с языковым (вербальным) существует и другие - неязыковые - способы познания: образный, деятельностно-практический, интуитивный, медитативный и т. п. Кроме того, существует эффект диффузного взаимовлияния культур и языков [5].

ЯКМ – это форма специфического «языкового мировидения» Она формируется разными способами (спонтанно и осознанно, на собственной лексической основе и посредством заимствований) и субъектами (обществом, институтами, группами, отдельными индивидами и т. д.). Наряду с общеупотребительной лексикой, особое место в ней занимают такие лексические пласты, как фразеологизмы, пословицы, поговорки, диалекты, сленг, мифологемы, метафоры, коннотативные смыслы, слова, которым нет аналогов в других языках (к таковым, например, относятся такие русские слова, как тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушевность, совестно, неудобно и др.) В белорусском языке есть множество слов (утульны, любасны, сваяк, каханне, родны кут, жэўжык, ростані, знічка і інш.), которые нельзя перевести даже на русский, не потеряв при этом их неповторимый этнический «аромат». В этом связи правомерно говорить о национальных языковых картинах мира. «Национальный язык, - как пишет О. А. Корнилов, - это как раз то «стекло», через которое этнос видит единый инвариант бытия и которое определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия» [6, с. 345]. Эту же мысль в метафорической форме передает и китайская пословица. «На каждой горе свои песни».

Возвращаясь к общему понятию «языковая картина мира» (хотя далеко не все авторы полагают корректным использовать данный концепт в таком статусе) акцентируем его гетерогенность, внутреннее разнообразие. «Языковое мировидение» представляет собой систему разноплановых, но внутренне взаимосвязанных между собой языковых подсистем. К ним относятся: наивная ЯКМ, этническая ЯКМ, религиозная ЯКМ, научная ЯКМ, ЯКМ конкретного индивида и др. В каждой из них, в свою очередь, можно выделить более частные подструктуры (например, этническая ЯКМ дифференцируется на такие лексические пласты, как фразеологический, сленговый, профессиональный, межпоколенчатый и т. п.). Все эти дифференциации, конечно, существуют лишь in abstracto. В реальности же есть континуум единой ЯКМ. В этом континууме оправдано выделение и антропологической языковой картины. Её гуманитарное (и гуманистическое) измерение связано со способностью языка репрезентировать бытие человека и собственно «человеческое» в нём в каждом конкретно-историческом типе социума по-своему. Интерес к данному компоненту ЯКМ становится всё более актуальным и в языкознании. Г. А. Багаутдинова, в частности отмечает: «Отечественная и зарубежная лингвистика в последние десятилетия сменила вектор, парадигму развития, поставив в центр внимания человека, творящего язык и творимого языком. Иначе говоря, объявила новый – антропоцентрический – подход к изучению языка» [7, с. 4]. Эта смена связана с исчерпанием эвристических возможностей анализа языка в рамках структуралистской парадигмы. Содержательный анализ антропологических языковых картин мира разных народов позволяет глубже понять их психологию и ментальные установки, образы «Я» и «Другого», коммуникативные паттерны, мотивацию действий и механизмы этнической идентификации. Разновекторные интегративные тренды современного мира содействует процессу мультипликации человеческих контактов. Закономерным итогом является формирование би(и поли)лингвизма. В настоящее время свыше половины населения Земного шара говорит на двух и более языках. Владение несколькими языками, как свидетельствуют специальные исследования, позитивно влияет не только на когнитивные способности личности, но и структурирование вещества мозга, его нейропластику. Тем самым интенсифицируется взаимодействие обоих полушарий, и расширяются функциональные возможности коры головного мозга. В социальном плане свободное общение на нескольких языках, как справедливо подчёркивает М. А. Можейко, расширяет диапазон моде-

лей поведения и возможностей самовыражения личности. [8 с. 214-216]. И, продолжим мысль автора, делает диалог культур более понимающим, что особенно важно в нынешней ситуации политического, социального и культурного цвишенизма.

Культура существует посредством языка. Язык - основной инструмент социализации человека, формирования его личности и развития сознания. Его можно рассматривать как своего рода операционную систему со своим кодом. В настоящее время ChatGPT «взломал» его, и тем самым получил прямой доступ к человеческому сознанию. Посредством языка, его экспрессии, боты и оракулы способны устанавливать «понимающие», «интимные» отношения с пользователями Сети. Тем самым ИИ de facto не физически, механически, (как представлялось создателям «Терминатора» или «Матрицы»), а посредством манипуляций сознанием людей обретает способность влиять на их мировоззрение, потребности и поведение. Возможности больших языковых систем по продуцированию новых, созданных не человеком, языковых картин мира (от школярских текстов до «искусственных» мифов, религиозных учений, а в перспективе и научных теорий) растут в геометрической прогрессии. «Закон ускоряющейся отдачи» Р. Курцвейла [9]. предполагает экспоненциальный рост «способностей» и возможностей ИИ уже в ближайшем будущем. «Суперинтеллект» (следующая за «сильной» версией ступень развития ИИ) может взять верх над человеческой культурой и начать творить собственную. Вполне вероятный исход – технологическая сингулярность, возникновение реальной, неподконтрольной человеку ноосферы. Дж. Хинтон, («крёстный отец» ИИ), как и многие столпы IT-индустрии (Б. Гейтс, С. Возняк, И. Маск и др.) допускают перспективу выхода Нейросети из-под контроля людей, а это, по их мнению, может повлечь за собой непредсказуемые, в том числе неблагоприятные последствия как для конкретных индивидов, но и человеческой цивилизации в целом. И если AI превращается сегодня в относительно автономную социальную подсистему с перспективой самоуправления и саморазвития, то для пользования им нужны не только профессиональные знания и компетенции, но и мудрость ума. Мудрость Homo sapiens.. [10, с. 24 с.]. Перспективы «человеческого в человеке» в ситуации цифрового футурошока приобретают остроту гамлетовского выбора. Как Homo sapiens должен обустроивать своё бытие на формирующейся «новой Земле» и под «новым Небом» – вот подлинный основной вопрос современной философии и гуманитарного познания.

Заключение

В завершение сделаем некоторые обобщающие выводы. Гуманитарная культура – это культура, обращенная к человеку; она центрирована на культивировании «человеческого в человеке» и «антропоморфизации» его жизненного пространства. Её глубинная интенция заключается в производстве надприродного, ценностно-рационального и духовно-смыслового измерения бытия человека. Это производство имеет два плана (аспекта): социальный и личностный. В социальном аспекте гуманитарная культура предстаёт как внутренне дифференцированное единство образующих её объективированных модусов (способов существования); Личностный аспект гуманитарной культуры «сопряжён» непосредственно с экзистенцией. Языковая реальность как компонент гуманитарной культуры социального субъекта артикулируется в его сознании в виде коллективных и индивидуальных языковых картин мира. Язык является той «призмой», в которой сходится, специфическим образом преломляясь, весь спектр лучей культуры. Объективно идущие сегодня социокультурные и антропологические процессы интерферируют с набирающим силу трендом цифровизации человеческого бытия и сознания. ИИ посредством использования больших языковых моделей становится реальным актором историко-культурного процесса и индивидуального бытия людей.

Литература:

1. Сартр Ж. П. Слова / пер с фр. – Москва: «Прогресс», 1966. – 174 с.
2. А. Швейцер. Благоговение перед жизнью / пер. с нем. / Сост. и посл. А. А. Гусейнова; Общ. ред. А. А. Гусейнова и М. Г. Селезнева. – Москва : Прогресс, 1992. – 576с.
- 3 Гумбольдт В. фон Г. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – Москва : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
4. Гадамер, Х. Истина и метод : Основы философской герменевтики / пер. с нем. Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва : Прогресс, 1988. – 699с..
5. Даниленко, В.П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира-Уорфа. [Электрон. книга]. Режим доступа: URL: //

<http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm> (дата обращения 13.12.23].

6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Москва : ЧеРо, 2013. – 349 с
7. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии русского и английского языков: Словарь фразеологических единиц русского и английского языков о человеке. – Ч.1: Познавательная деятельность человека. – Казань : КГУ, 2015. – 36 с.
8. Можейко, М.А. Билингвизм и когнитивная проекция: язык и процедуры code switch // Философские исследования : сб. науч. тр. - Минск : Беларус. навука, 2022. - Вып. 9. С. 204-219.
9. Kurzweil Ray [Электрон. книга]. *The singularity is near: when humans transcend biology*, Режим доступа: URL: <https://paisdospuntocero.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/04/book-kurzweil-singularity-is-near-1.pdf> (access date: 17.03.2024).
10. Миськевич, В.И. О человеческом в человеке // Социально-гуманитарные технологии. -1 (25). 2023, - С 17 – 27.